

Время стремительно близилось к полуночи. На улице, в своём яростном стремлении завладеть городом, отчаянно бушевала непогода. Находясь фактически в изоляции и не имея возможности наблюдать за происходящим, а покинуть своё насиженное место мне не очень-то хотелось, я мог лишь догадываться о том, что творилось снаружи в это время. Сквозь дверь подсобки я мог лишь слышать плотный, мягкий шум дождя, доносившийся будто издалека, да неистовый стук капель, бегущих по крышам и водостокам домов. Всю эту монотонную, расслабляющую симфонию сопровождали внезапные, неистовые раскаты грома, вполне ясно намекавшие на то, что здесь мне придётся провести ещё немало времени. Но меня они не пугали, как не пугал и этот чудовищный ливень. Все мои страхи и тревоги теперь были позади. Я был рад почувствовать себя наконец в безопасности, хоть и слегка замёрзшим, но укрытым от беспощадной стихии, слушая лишь как неистовствует снаружи дождь и оставаясь для него в полной недосягаемости.

Я же, тем временем, всё ещё находился в подсобке закрытого магазина в ожидании Марины, находясь в тёплых объятиях болоньевой куртки и всей прочей одежды, которую она великодушно дала мне поносить.

Своё положение, в котором мне, к счастью или к сожалению, пришлось оказаться, я уже не находил таким глупым и нелепым, как раньше. Я уже вполне вжился в свой новый образ и не видел в нём для себя ничего постыдного или чего-то такого, о чём потом буду жалеть. Для меня это был скорее новый опыт. Под давлением неминуемой опасности я испытал неизведанные ранее, приятные ощущения, которые в обычной жизни испытать мне не хватило бы смелости. И это меня слегка заводило. Мне пришлось надеть женский пуховик и колготки не потому, что я просто захотел попробовать, а потому, что теперь в этом был смысл. Раньше я бы стыдился себя за такой грязный поступок, но теперь это был вынужденный поступок. Мне просто не оставалось ничего другого, мне было нужно надеть женские вещи, чтобы согреться. И это приятное чувство нужды в этих вещах согревало меня ещё больше.

Раньше я мог лишь питать страстное желание тайком одеться как девушка и покрасоваться перед зеркалом, а даже если бы и решился, то страх и стыд всё равно возобладали бы надо мной и я отбросил бы эти пошлые фантазии прочь. Но в тот вечер судьба предоставила мне уникальную возможность. Я был одет, как одеваются девушки каждый день, но для меня это были удивительные ощущения. Я ощущал, что был одет во что-то, во что мне одеваться нельзя и не чувствовал при этом стыда. Я чувствовал, что эти трусики, эти колготки, эта кофта, этот пуховик — это всё моё, настолько моё тело привыкло ко всему этому, настолько оно приняло мой новый образ. Если раньше все эти вещи были для меня под запретом, то теперь же я имел на них полное право, потому что мне они были необходимы. Я находился в них на законных основаниях, чувствуя себя смело и уверенно, но в то же время втайне наслаждаясь этими приятными ощущениями, и никто не мог меня упрекнуть в том, что я какой-то грязный извращенец. Мне, фактически, подарили эту одежду, подарив вместе с этим полное одобрение и признание моих тайных желаний. Теперь мне не нужно было стесняться Марину оттого, что я оказался под её пристальным взглядом вместе с объектами своего вождения, теперь я мог вполне раскованно и даже смело находиться в её присутствии, не волнуясь и не боясь её порицания. «В конце концов, она ведь не знает, что у меня на уме, и не

узнает», — подумал я облегчённо, выпрямив свои «румяные», глянцевые ноги и с удовольствием рассмотрев их.

За всеми этими размышлениями я совсем забыл, что Марина вышла позвонить минут пять тому назад и так до сих пор и не вернулась. Тревожные чувства охватили меня и я лишь мог догадываться, кому и зачем она так долго может звонить. Мне хотелось как можно дольше побыть в её вещах, к которым я уже успел приноровиться, поэтому я искренне надеялся на то, что она в этот момент не вызывает такси и не собирается прогнать меня в дождь, а разрешит мне побыть здесь ещё какое-то время и может даже переночевать. Всё же, несмотря на её спесивый нрав, мне было интересно узнать свою «спасительницу» немного получше.

И вот, наконец, в комнату вошла Марина.

— Ну как, тепло ли тебе, девица? — поинтересовалась она, взглянув на мой дополненный женский облик.

— Да, очень. Спасибо большое. Так гораздо теплее, — поблагодарил я её.

— Да пожалуйста. Чего не сделаешь для дорогого гостя, — усмехнулась она, присев рядом со мной. Я улыбнулся ей в ответ.

— А вы не замёрзнете? Здесь откуда-то дует.

— Да нет, я же в свитере, в джинсах. Плюс ещё колготки под низом... прям как у тебя, — вновь усмехнувшись, ответила хозяйка.

Я поборол смущение, накотившее было на меня, и сказал:

— Хорошо...

Она заварила очередную порцию чая на двоих.

— Просто очень неудобно получилось: вы мне свою одежду отдали..

— Ой, да расслабься ты, — перебила меня Марина. — Пустяки. Не хватало мне, чтоб ты тут ещё совсем замёрз.

Мне не очень нравилось слово «совсем» в таком контексте, поэтому я продолжил пить горячий чай, чувствуя, как новая волна тепла прошла по моему телу.

Обратив внимание на мои облачённые в нейлон ноги, девушка спросила:

— Ну как, нормально?

В своих мыслях я увидел её, уставившуюся на меня с любопытством и какой-то надменной ухмылкой, как на гнусного воришку, который пробрался в её шкаф и оказался застуканным в её колготках, спрашивающую «Ну и как, удобно тебе в моих колготках?», на что я ответил:

— Ну да, всё нормально. Вполне удобно, — добавил я вскользь.

— Нигде не жмёт? Ноги не чешутся? Ну, с непривычки. Ты же парень всё-таки, — допытывалась у меня Марина.

— Нет, я уже привык, — пояснил я. И по её лицу было видно, что её удовлетворил этот ответ.

Пока я сидел, Марина оценивающе рассматривала меня, как подопытного. Ей, казалось, было интересно, как же чувствует себя парень, оказавшись в её куртке и колготках. А чувствовал я себя прекрасно. Всё-таки мне было довольно приятно сидеть в одежде, которую мне дала поносить такая симпатичная девушка. Я чувствовал, что какая-то частичка тепла от Марины осталась в её вещах. И это тёплое чувство принадлежности к чьему-то трепетному телу, присущее всякой ношеной одежде, обдавало меня, подобно тёплому воздуху. Я знал, что эти колготки и эта куртка ещё совсем недавно были на Марине, они так нежно и плотно облегли её, наполняясь её сущностью и теплотой, чтобы перейдя в мои руки оставить немного её теплоты во мне.

В это время я чувствовал, что трусики, в которых я был, проникли между моих ягодиц, вполне удачно обосновавшись там, отчего теперь мне казалось, что я ношу стринги. Но, вопреки неудобству, я не хотел их оттуда доставать. «Буду носить их так, как нужно. Как носила она», — подумал я.

Она с умилением смотрела на меня и, казалось, была довольна тем, что её вещи так мне подошли. То ли от её пронзительного взгляда, то ли от осознания того, что я был во всём том, что носила Марина, член мой вновь пробудился, притом довольно неслабо. Но теперь мне, к счастью, бояться было уже нечего — толстый слой болоньи прикрывал его, не выдавая моего «интереса» к её вещам. «Забавно, — подумал я, — она сидит напротив меня и даже не подозревает о том, что у меня встал. Вот она бы удивилась. Интересно, какое у неё было бы лицо, когда бы она увидела, что в её трусиках расположился такой агрегат». Я не стал открывать Марине свой «секрет» и смело продолжил беседу, пытаясь показать ей, что меня нисколько не смущает мой внешний вид:

— Не знал, что в колготках может быть так тепло. Они же такие тонкие. Я думал, девушки их так, для красоты носят. Или под джинсы поддевают, например. А их, оказывается, и без джинсов носить можно. Так даже удобнее.

— Что, понравились? — ехидно спросила Марина.

— Да нет, я так просто, — чуть было не выдал я себя. — Не знал, что так бывает.

— Ну, теперь будешь знать. На будущее, — усмехнулась она. — Ты пей чай, пока не остыл, — напомнила она мне, после чего между нами на некоторое время воцарилось неловкое молчание. Я уже вполне пригрелся на своём новом месте и мысль о том, что ещё каких-то полчаса назад я был на грани жизни и смерти теперь казалась мне слишком отдалённой. Оказавшись в тепле и уюте с кружкой горячего чаю, я совсем забыл о том, что своим пребыванием здесь доставляю чудовищные неудобства хозяйке магазина, которой был обязан своим чудесным спасением. Я чувствовал себя в неоплатном долгу перед Мариной и всё, что мне оставалось в тот момент, это ещё раз поблагодарить её и извиниться за то, что так вышло.

— Ещё раз простите пожалуйста, что задержал Вас. И ещё раз большое вам спасибо за то, что выручили меня. Если бы не вы, то я... я бы совсем пропал. Мне просто повезло, что вы оказались здесь и не прогнали меня под дождь. Я вам так признателен. Спасибо Вам ещё раз. Я даже не знаю, как могу Вас отблагодарить...

Я чувствовал, как ото всех слов похвалы, которыми я осыпал Марину, она буквально возвеличивалась в моих глазах, представляя эдакой спасительницей угнетённых, а я, наоборот, лишь уменьшался перед ней как какой-то сырой оборванец, над которым она так великодушно сжалась и приютила.

Мне казалось, она уже давно знала, как я мог её отблагодарить, только я не мог догадаться, как именно. Но что-то у неё на уме определённо было. «Что же она попросит за то, что помогла мне?» — с тревожным интересом подумал я.

— Ну... что-нибудь придумаем, — сказала она.

Взглянув на часы на своём телефоне я обнаружил, что было уже около одиннадцати. Я бы с радостью провёл в компании Марины ещё часок-другой, но с ужасом вспомнил, что утром мне нужно было быть на работе, поэтому желание моё остаться здесь на ночь тотчас же развеялось.

— Ещё раз спасибо Вам за всё, но мне завтра рано вставать. Я, пожалуй, буду собираться. Не

хочу Вас обременять, — сообщил я ей и начал было вызывать такси. Но моё стремление было вмиг подавлено.

— Так, стоп, куда собрался? — остановила меня Марина. — Никуда ты не пойдёшь, понял? Одежда твоя ещё мокрая, а свои вещи я тебе не отдам.

Я так сильно хотел поскорее рвануть домой, что совсем забыл о том, что Марина дала мне свою одежду лишь на время. И, отложив телефон в сторону, я удручённо вздохнул.

— И что же делать? — недоумённо спросил я у неё. — Утром мне нужно быть на работе. Как же я домой доберусь?

Марина задумалась.

— Ну, одежда твоя будет ещё долго сохнуть... так что придётся тебе тут, Лёша, видимо, заночевать. Со мной вместе, — добавила она с насмешкой.

В любой другой ситуации я бы не отказался от такого интересного предложения, но меня тревожила мысль о грядущем выговоре от начальницы или чём-то таком в этом роде. Вскоре же мне пришлось осознать всю неотвратимость своего положения и я попытался прогнать прочь мысли о работе и обо всяких нелюбимых для меня последствиях.

— Сейчас ляжешь спать, к утру всё высохнет и спокойно поедешь домой или сразу на работу, — объяснила она.

Такой вариант меня вполне устроил, но я поинтересовался у Марины:

— Спать? Как же я буду здесь спать?

Она хитро улыбнулась и сказала:

— Я дам тебе спальник.

От этих слов всё у меня внутри непроизвольно сжалось. Я вспомнил те пухлые спальные мешки, висевшие в зале, и представил себя возлежающим в одном из них перед фактически незнакомым человеком как какая-нибудь колбаса и понял, что зрелище это было на редкость унижительным. Мне не очень хотелось лежать упакованным как кокон в ногах у Марины будучи скованным и ограниченным в передвижении, пока она будет стоять над тобой и рассматривать тебя сверху в таком нелепом виде. С подобным я хотел столкнуться меньше всего, поэтому решил не допустить моего гнусного заточения в спальный мешок.

— А... вы же говорили, что товар не выдаёте, — вспомнил я её слова.

— Ага. Товар не дам... а вот из возврата могу поискать. Нам, кажется, вернули недавно пару спальников.

Волнение во мне нарастало.

— Может давайте просто посидим с Вами, поболтаем, чаю попьем? — спросил я у неё с надеждой на то, что не придётся залезать в один из тех монстров.

— Ещё чего, — отрезала Марина, — тебе надо поспать. Иначе завтра работать плохо будешь. Я продолжил защищаться:

— Я просто не привык спать в незнакомых местах. Да и не хочу пока.

— Ой, да ладно тебе, Лёш. Чем ты всю ночь будешь заниматься? — сказала она, после чего встала и направилась на склад. Но на полпути остановилась.

— Слушай, мне же тоже поспать где-то надо, раз уж я здесь. Не с тобой же тут всю ночь чай распивать. Так что я и себе возьму спальник и пойдём спать вместе. Договорились?

Обрадовавшись тому, что мы с ней будем на равных и я уже не буду чувствовать себя так глупо, я согласился и она ушла, вновь оставив меня одного.

Я сидел в подсобке пребывая в волнительном ожидании, пока Марина вернётся со склада, и

испытывал в тот момент смешанные чувства. Марина и направилась на склад, где для меня уже было приготовлено спальное место. Находясь в оцепенении от этих слов, я не сразу решился встать. Лишь после того, как она скрылась из вида, я, немного погодя и морально подготовившись к желанной встрече, пошёл за ней, чувствуя, как от волнения трясутся у меня колени. Покинув своё уютное гнездо, я, погрузившись в жуткий сумрак пустого магазина, воочию увидел, что на улице всё ещё неистовствовал чудовищный ливень, напрочь отменявший все мои надежды на то, чтобы поскорее оказаться дома. Я проследовал по тёмному коридору в самую глубь помещения и оказался на складе, где меня уже ждала хозяйка.

От зрелища, представшего перед моим взором, у меня слегка закружилась голова: на полу перед Мариной рядом друг с другом аккуратно лежали два довольно объёмных спальных мешка, приготовленных для нас с ней. Они сильно отличались по своей сущности: первый спальник, тёмно-розового цвета с тёмно-фиолетовыми вставками по бокам и такого же цвета капюшоном, был довольно узким в ногах и широким в плечах, с матовой поверхностью и боковой молнией почти на всю длину мешка. Другой спальник, бледно-фиолетового цвета, по размеру был чуть больше и казался более просторным, чем первый; он был блестящим, строго прямолинейной формы, молния его также проходила сбоку, но заканчивалась примерно в середине мешка.

Какое-то время я молча стоял и любовался красотой и изяществом обтекаемых форм этих двух пухлых существей, гадая, какой же из спальников предназначен для меня, пока тишину не нарушил голос Марины:

— Ну, чего ждёшь? Выбирай, — сказала она. — Какой больше нравится.

«Ух ты, — подумал я обрадованно, — даже так». Я какое-то время мешкался, пытаюсь решить, в каком же спальнике я хотел бы провести эту во многом значимую для меня ночь.

Фиолетовый был вполне хорош, но розовый почему-то привлекал меня куда больше. Я не знал, бывают ли вообще женские спальные мешки, но мне казалось, что это был именно он. Этот нежный цвет, плавные изгибы и формы — всё определённо намекало на то, что мешок был явно не для парня. И по какой-то причине я испытал непреодолимое желание оказаться именно в нём. Возможно из-за того, что я и так был облачён во всё женское, и подумал, что женский спальник лишь органично дополнит мой образ.

Мне казалось, что, в отличие от одежды, существенной разницы между мужскими и женскими спальниками не было, но меня это не волновало. Мне просто хотелось, чтобы я выглядел в нём как девушка, раз уж я был одет как она. Его явная женственность притягивала меня, пробуждая во мне страстное желание почувствовать себя в нём той самой девушкой, для которой он был предназначен. В конце концов я подумал: «А почему бы и нет? Чего мне бояться? Я и так уже в колготках и женских трусах. Ничего страшного не будет, если я залезу в женский спальник» и решил не упускать такую уникальную возможность.

Итак, выбор для меня был очевиден. Оставалось лишь сделать так, чтобы Марина не заподозрила, что я хочу залезть в розовый спальник только потому, что он женский. Я понял, что своими долгими раздумьями только вызову у неё излишнее подозрение и решил вскользь поинтересоваться:

— Простите, а что с ними не так? В смысле, почему их вернули?

Немного подумав, он осмотрела их и сказала:

— Так... у этого, — она показала на фиолетовый, — молния заедает. А этот порван местами.

Это окончательно закрепило моё решение. «Отлично, — подумал я. — Значит этот. Не полезу же я в мешок, у которого молния сломана».

Изобразив некоторую задумчивость, я несмело указал на розовый спальник:

— Ну давайте, наверное, вот этот.

Марина, улыбнувшись, с удивлением посмотрела на меня, казалось, раскрыв мои тайные помыслы, и сказала:

— Ну ладно. А тебя расцветка не смущает?

— Да нет, — изобразив теперь уже недоумение, ответил я. — Что в этом такого?

— Нет, ничего. Хороший спальник, удобный. Не замёрзнешь в нём. Я даже думала себе его взять, — зарекомендовала мне его Марина. — Так что можешь смело в нём спать. Если тебя, конечно, не смущает, что он женский.

«Так значит она его мерила?» — восторженно подумал я, испытав радость от той мысли, что окажусь ещё в одной вещи, в которой была Марина.

— Мне очень неловко. Тогда давайте я лучше вот этот возьму, — указал я на соседний спальник, но втайне надеясь всё-таки получить желаемый. — А вы тогда в этом будете.

— Ой, да расслабься ты, Лёш. Он же не мой, я его всего-то пару раз примерила, — успокоила она меня. — И ты сегодня мой гость, поэтому сам выбираешь, где тебе спать.

Она сладко зевнула и рукой пригласила меня в спальник:

— Так что давай, залезай.

Я приготовился расстаться с мягким пуховиком, к которому я уже привык, и нехотя начал расстегивать молнию, как вдруг Марина меня остановила:

— Да нет, стой, не снимай. В нём будешь спать.

Я слегка оторопел.

— Почему?

— Ты только согрелся. Не хватало, чтобы ночью тебя здесь ещё продуло. Надо, чтобы ты был укутан как можно теплее, чтобы тебя ночью знобить не начало. А сейчас вот разделся бы и выпустил бы всё тепло. Ну что ты как маленький? Сам не понимаешь что ли? — довольно нервно пояснила мне Марина.

Затем подошла ко мне и надвинула капюшон своей куртки мне на голову, застегнув молнию чуть выше подбородка, отчего кругозор мой слегка сузился.

— Вооот так. Тем более с мокрой головой, Лёша, на сквозняке спать нельзя. Надо и её укутать. Ты же не хочешь простудиться?

Я замотал головой, заключённой в болоньевый капюшон, представив, как смешно я выглядел в тот момент.

— Ну вот и славно. Давай, полезай, — бодро сказала Марина.

И я, в предвкушении, приготовился залезть в выбранный мной спальник.

— Сам справишься или помочь?

— Я сам, спасибо, — ответил я, после чего она, скрестив руки на груди, принялась наблюдать за моими действиями.

Я, словно одурманенный, в прошёл к выбранному мной спальному мешку и начал осуществлять сакральный процесс. Я открыл кнопку, под которой была спрятана застёжка и начал быстро ей расстёгивать молнию спальника. Распахнув его, я обнаружил внутри него серую ребристую поверхность, пухлую на вид, как у Мариной куртки. Я присел на неё и чувствовал, как моя попа буквально утопает в двух слоях мягкости, от пуховика и от подложки

спальника. Я просунул ноги до конца мешка, ощущая, как приятно скользят по его стенкам колготки, в которые я был одет, и принялся застёгивать себя.

Дотянувшись до молнии, я плавно потянул её вверх, чувствуя, как плотно обхватывает спальник мои ноги и бёдра, заключая их в мягкую розовую оболочку. Дойдя до половины, я полностью лёг на подложку и натянул капюшон спальника поверх капюшона куртки, всем телом ощущая, будто погружаюсь в мягкую и удобную постель, практически положив голову на подушку и укутав ноги в тёплое одеяло. Мне было уже и так вполне комфортно, но Марина ждала, пока я застегнусь до конца. Я схватил застёжку и повёл её дальше, чувствуя, как спальник продолжает с монотонным жужжанием сковывать моё тело.

Но в районе груди, когда до цели оставалось совсем немного и молния начала идти с трудом, я понял, что сам полностью застегнуться не смогу. В этом месте спальник сужался и мои широкие плечи, облачённые, к тому же, в толстый пуховик, не позволяли застёжке двинуться дальше. Я попытался приложить силы, но рука моя оказалась в крайне неудобном положении.

Марина, свысока наблюдавшая в это время за мной, заметила мои тщетные старания и спросила:

— Что, узковат?

И, не дожидаясь ответа, спустилась ко мне на помощь.

— Ну вот, а говорил, сам справишься. Ляг ровно, — скомандовала она. — И залезь поглубже. Повинуясь воле своей хозяйки, я пролез ещё дальше в мешок, почувствовав, как ноги мои упёрлись в самый его конец, и расположил руки по швам, придав телу компактное положение. Марина склонилась надо мной и, потянув за молнию, издавшую пронзительное «вжжжик!», резко застегнула меня в мешке, для надёжности захлопнув при этом кнопку, закрывающую молнию. Затем, даже не спросив меня, туго затянула тесёмку, вставленную в капюшон, который плотно обхватил мою голову и, вдобавок, скрыл под собой капюшон куртки, так что лицо моё теперь представляло собой лишь маленький кружок, обтянутый по краям. Похлопав с глухим звуком по моей груди, она с чувством удовлетворения сообщила мне: — Готово.

Миновав это волнующий процесс, я облегчённо вздохнул. Хотя на самом деле мне, крепко укутанному в двойной слой пуха, дышалось с некоторым трудом. Всё таки спальник оказался мне маловат. Но меня это несколько не смущало. Наоборот, мне хотелось быть скованным в нём как можно плотнее, чтобы он, фактически, облегал моё тело. Так и вышло, чему я, в итоге, оказался несказанно рад.

Марина встала надо мной, вновь скрестив руки на груди, оглядела меня, плотно упакованного в спальный мешок, с ног до головы, как бы любуясь проделанной работой, и сделала заключение:

— Миленько выглядишь.

И издала лёгкий смешок. От осознания того, что я лежу перед ней как какая-нибудь розовая колбаса, на меня нахлынуло жуткое смущение и мне оставалось лишь молча уставиться в потолок и ждать, пока она поскорее уляжется на своё место.

— Ну как, удобно?

В ответ я издал лишь робкое:

— Угу.

— Ты смотри, если тесно — скажи. Переляжешь в этот, — и указала головой на лежащий

рядом светло-фиолетовый кокон.

— Да нет, всё нормально, — приврал я Марине с надеждой на то, что она ляжет уже наконец и не будет нависать надо мной, как над запеленатым ребёнком.

— Ну как знаешь. Ладно, Лёш, я отойду, а ты полежи пока тут, — пошутила она, прекрасно понимая, что выбраться из спальника я смогу лишь с большим трудом. — Я скоро вернусь.

И вышла, закрыв за собой дверь, оставив меня лежать на складе, как какой-нибудь товар среди груды прочего товара.

Я догадался, что Марина пошла в туалет. И я, лёжа наглухо закрытым в спальнике, корил себя за то, что не догадался сам сходить на ночь. Всё-таки две кружки чая начинали давать о себе знать. Я мог бы попробовать расстегнуться или попросить её расстегнуть меня, чтобы пойти отлить, но решил, что не буду бегать туда-сюда, залезая и вылезая из мешка как неугомонный ребёнок, лишний раз нервируя её, и успокаивал себя мыслью о том, что очень скоро засну и в туалет мне уже не будет хотеться. Поэтому мне оставалось лишь дожидаться, пока вернётся Марина и ляжет в своё спальное место, приготовленное рядом со мной.

Во мне всё ещё жило тревожное чувство по поводу моего нахождения здесь. Я не наврал Марине тогда — я вправду чувствовал себя не очень комфортно, спя в незнакомых местах, да ещё и ограниченным в передвижении. Но, вспомнив о том, что я находился в хороших руках, и ничто теперь уже не должно было предвещать беды, я, постаравшись расслабиться, начал постепенно готовиться ко сну.

Я немного поелозил в спальнике, чувствуя, как шуршит внутри болоньевая куртка, которую дала мне Марина, и попытался устроиться поудобнее. Хотя в этом и не было необходимости, мне и так было вполне удобно, я лишь хотел лишний раз проверить качество своей упаковки. Я чувствовал, что спальник был настолько мягким, что я, одетый вдобавок в толстый пуховик, даже не чувствовал твёрдого пола под собой. Мне казалось, будто я оторвался от земли и витаю в пушистом облаке, которое нежно обволакивает мое тело, унося меня с собой куда-то далеко.

Я испытал сильное волнение от того, что на меня, лежащего бездвиженным в спальном мешке в незнакомой обстановке, буквально нахлынула целая гамма новых, приятных ощущений, которых я раньше не испытывал. И я понял, что несмотря на тесноту и мой довольно нелепый внешний вид, мне нравилось находиться в нём. Я начал ощущать себя в спальном мешке, я чувствовал, как он буквально поглотил меня, слившись со мной воедино и превратив меня из человека в один сплошной мягкий и уютный кокон. Я чувствовал, как его мягкость и комфорт нежно окутывали меня, принося мне сладостное расслабление после утомительного и трудного дня. Всё моё тело было приятно сковано этой воздушной оболочкой, которая дарила мне теплоту и лёгкость, заботливо обнимая и поддерживая меня. Я ощущал себя таким мягким, и в то же время таким плотным в этом пухлом коконе, чувствуя, как скоро, очень скоро превращусь в настоящую бабочку, красивую и грациозную. Все мои страхи и тревоги остались позади, уступив место лишь спокойствию и умиротворению. Я пребывал в состоянии комфорта и полного отстранения от реальности, чувствуя, как приятное тепло разливается по всему моему телу, от головы до кончиков пальцев. Мне было так тепло и удобно, что я совсем забыл о том, где нахожусь в этот момент и как я оказался в таком положении. Но я уже ни о чём не думал, а просто расслабился и получал сладостное наслаждение от своего заточения в эту комфортную темницу.

Ублажёнными этими приятными ощущениями, я начал было проваливаться в сон. Я уже

изрядно подустал за день, но понял, что засыпать было нельзя. Нужно было дождаться Марину, чтобы убедиться, что она тоже ляжет спать, а не будет стоять и смотреть на тебя, спящего в таком глупом виде. Так что я постарался как-то удержать себя на плаву.

Я решил приподняться и, ради интереса, осмотреть себя в своём новом обличье. То, что открылось моим глазам, пробудило во мне новые эмоции: я увидел себя, лежащего на полу неподвижно, как бревно, укутанного в длинный, ребристый, мягкий на вид, тёмно-розовый кокон, который обтягивал всё моё тело и сужался в ногах. От того, в каком непривычном виде я предстал перед собой, меня охватил лёгкий шок. Я обнаружил, что буквально потерял свой человеческий облик, превратившись в пухлое и гладкое создание продолговатой формы. Будучи в сонном состоянии, я не мог поверить своим глазам и осознать, что в мешке находился именно я, а не какая-нибудь девушка, которой этот спальник принадлежал, поэтому слегка побарахтал ступнями и, заметив какое-то движение в дальнем конце мешка, осознал, что в нём всё-таки был я. Приняв этот спальник как желанный подарок, я понял, что и сам в тот момент походил на подарок, завёрнутый в красивую обёртку. Оставалось только повязать на мне ленточку и вот — меня можно было бы торжественно кому-нибудь преподнести.

Хоть Марина и подшутила, но мне казалось, что выгляжу я и вправду довольно миленько в своём ярком «оперении». Я никогда не видел себя в таком смелом розовом «наряде» и от этого приятно засмутился. Ведь это был девичий розовый цвет, а розовые вещи, подобно той, в которой был я, всегда полагалось носить именно девушкам, а никак не парням. Этот спальник явно был женским, вариантов быть не могло. Всем своим видом он как бы подчёркивал половую принадлежность человека, лежащего внутри. Он был не грузным и бесформенным, как остальные спальники, а компактным и облегающим. Он имел ярко выраженные очертания и плавные изгибы, повторяющие форму женского тела, чтобы даже в таком мешке девушка выглядела элегантно. Всё это дополнялось приятным сочетанием цветов, как на некой дизайнерской вещи, превращая спальник, в котором я находился, в полноценный элемент женской одежды. Будь я девушкой, я бы взял себе именно такой. И от того, что я вновь нарушил этот негласный «запрет» на женские вещи, оставшись безнаказанным, я испытал непомерное удовлетворение.

Я прилёг обратно на пол и почувствовал, как от прилившего тепла у меня зачесались ноги в районе щиколоток. Я совсем забыл, что в это время был в колготках и даже не чувствовал их на себе, настолько мои ноги к ним привыкли. Я разгадал наконец происхождение этой приятной стянутости по ногам и в районе промежности, сопровождавшее меня на протяжении моего «погружения». Поочерёдно потеряв ноги ступнями, я ощутил, как приятно они шуршат друг о друга, такие гладкие и скользящие в тонком нейлоне колготок.

От наступления скорой теплоты зачесалась и моя попа, немного вспотев от четырёх слоёв «упаковки», в которых она находилась, а вернее зачесалось между ягодиц, как раз там, куда врезались трусики. Преодолев стоявшую на пути толстую болонью пуховика, я попытался добраться до них сквозь мягкую плёнку колготок, и, наконец, с облегчением выудил их оттуда, хоть и понимая, что всё равно ненадолго. И вдруг я на полном серьёзе осознал, что нахожусь полностью во всём женском, даже в спальнике. Я чувствовал, что был укутан несколькими слоями женской одежды, в которые я, один за другим, облачился в тот вечер в рамках моего чудесного преображения, финальным штрихом которого стало моё логичное заключение в женский спальный мешок. Всё моё тело испытывало тёплое чувство от

ощущения на себе чего-то женского, облегающего его с ног до головы. От этой приятной мысли волна возбуждения прокатилась по мне, оставив у меня на лице довольно-глупую ухмылку.

Я лежал и предавался запретным наслаждениям в компании женской одежды, которую чувствовал всем своим телом. Я начал трогать себя, насколько мне это удавалось, ощутив, как мягко шуршит на мне болоньевая куртка, как плотно обтянули мои ноги колготки и как трусики снова врезались мне в попу. Я представил себя милой девушкой, которая гуляла бы где-нибудь на природе во всём этом и решила немного вздремнуть и погреться, комфортно устроившись в спальном мешке. Я бы так мирно и безмятежно спала на полянке в этом ярком, нежном спальнике, в этих колготках и, может даже, в этой куртке, согреваясь сладостным теплом в холодный осенний день, жалея о том, что никто не видит меня, такую красивую и женственную куколку. Но я бы ещё не знала, что это время какой-нибудь маньяк караулит меня в кустах и терпеливо поджидает, пока я залезу в мешок и сладко усну, чтобы сделать меня своей пленницей, а я бы так и не узнала, что так глупо попала в ловушку, мной же и расставленную.

Я бы нежилась в своём мягком и уютном коконе и даже не подозревала бы о том, что кто-то наблюдает за мной и за тем, как я сплю и что мой же спальник сыграет со мной злую шутку и станет для меня страшным наказанием за мою беспечность, в один момент превратив меня в добычу для охотника. И, дождавшись удобного момента, маньяк подкрался бы ко мне и просто взял бы и потащил меня, как пухлый свёрток, затем затянул бы капюшон потуже, взял бы меня в охапку и унёс бы в своё тайное логово, а я спросонья даже не смогла бы понять, куда это меня несут. И только потом с ужасом осознала бы, что меня похитили, не спросив даже моего разрешения, украли, как какой-нибудь надувной матрас, но было бы уже слишком поздно. Мной просто завладели бы, как бесхозной вещью, оставленной кем-то под деревом. Я бы отчаянно стонала, плакала, истошно кричала и неистово извивалась бы в мешке, как розовый червяк, пытаюсь выбраться из цепких лап своего похитителя, но все мои попытки были бы напрасны и никто бы меня не услышал и не помог мне.

А похититель лишь отнёс бы меня к себе домой и, проделав в спальнике дырочку и даже не доставая меня из мешка, делал бы со мной всякие грязные, отвратительные вещи, а я была бы настолько скована и беспомощна, что даже не могла бы убежать или сопротивляться, став его покорной рабыней, и проклинала бы себя за то, что так глупо попала в эти сети. А когда бы он закончил со мной, то просто отнёс бы меня на этот склад, оставив меня лежать здесь среди кучи таких же спальных мешков, как своё законное имущество, пока я ему вновь не понадобится.

Я сам не ожидал, что в такой обстановке моя фантазия так сильно разыграется. Все эти грязные мысли, овладевшие мной, с новой силой возбудили меня, отчего член мой, преодолев несколько слоёв мягкой оболочки, снова встал, оказавшись во взведённом положении, и упёрся в стенки спальника. Я приподнял голову и обнаружил, что на поверхности мешка образовалась маленькая, но многозначительная, выпуклость. Не желая быть застуканной хозяйкой в таком «пикантном» положении, я поправил член через трусики, удобно расположив его в укрытии и расслабил голову, продолжая нежиться в своём комфортном плену в ожидании Марины.

Я уже не мог сопротивляться волшебным чарам спального мешка и всё-таки сдался под напором его благотворного влияния, решив прикрыть наконец глаза и сладко заснуть, не

дожидаясь, пока вернётся хозяйка.

«А ничего. Пусть увидит, как я мило сплю, — подумал я. — Хочу, чтобы она посмотрела на меня такого».

И, окутанный этой приятной мыслью, я погрузился в сон...

Продолжение следует